

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ,
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 82.09(043.3)

БАБУК
Александр Вадимович

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ДЕТСТВА
В ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА: МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА**

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология

Минск, 2016

Работа выполнена в Гродненском государственном университете им. Янки
Купалы

Научный руководитель **Автухович Татьяна Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

Официальные оппоненты: **Тычино Михаил Александрович**, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом теории и истории литературы «Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси;

Шевлякова-Борзенко Ирина Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент, начальник образовательного центра Национального института образования при Министерстве образования Республики Беларусь.

Оппонирующая организация: **Минский государственный педагогический университет им. Максима Танка**

Защита состоится “21” декабря 2016 г. в 12⁰⁰ на заседании совета по защите диссертаций Д 01.42.04 при Центре исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси” (220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, e-mail: inlinasbel@tut.by; тел.: 284-18-85).

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (220072, г. Минск, ул. Сурганова, 15).

Автореферат разослан “18” ноября 2016 года.

Учёный секретарь
совета по защите диссертаций
кандидат филологических наук

А.В. Брезгунов

«Антропологический поворот» второй половины XX в. в гуманитарной науке актуализировал необходимость изучения литературы в аспекте проблемы человека. Переориентация научной парадигмы побуждает к рефлексии над методологией исследования литературного произведения как явления художественной антропологии. Насущной потребностью является разработка таких принципов анализа, которые позволяют увидеть, как в творческом сознании писателя взаимодействуют авторитетные (коллективные) дискурсы и индивидуальный жизненный опыт, проявляясь в специфике духовных и телесных практик героев произведения и образно-мотивной структуре текста. Обоснование одного из вариантов изучения произведения в аспекте художественной антропологии определяет теоретическую актуальность диссертационного исследования. Предпринятый в работе анализ произведений английских и русских поэтов и писателей XIX в. в контексте проблемы художественной антропологии и с применением нового подхода к ее исследованию позволяет решить проблемы, существенные для понимания их творчества, показать национальную, культурную и биографическую обусловленность открытий писателей в области антропологии детства, проследить становление и развитие темы детства в литературе романтизма и реализма, что обеспечивает историко-литературный аспект актуальности диссертации. Проблемы семьи и детства, являясь важной составляющей социальной политики в Беларуси, сегодня привлекают пристальное внимание общественных и государственных организаций, что свидетельствует о культурной и практической значимости исследования. Опыт рассмотрения художественной антропологии детства в произведениях английских и русских поэтов и писателей, творчество которых входит в программу школьного и вузовского образования и постоянно вызывает интерес белорусских ученых, будет востребован в сфере образования и воспитания и послужит стимулом для дальнейшей рефлексии над проблемами антропологии литературы, что определяет значимость диссертационного исследования для белорусской науки.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с научными программами (проектами), темами. Диссертационное исследование выполнено в рамках научно-исследовательской темы кафедры русской и зарубежной литературы учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» «Проблемы теоретической и исторической поэтики».

Цели и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является обоснование интерпретационного потенциала синтеза

феноменологического, нарратологического и образно-мотивного анализа при изучении художественной антропологии детства в литературном произведении.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Охарактеризовать предпосылки, принципы и условия изучения художественной антропологии детства в историческом и культурном контексте и на этой основе доказать необходимость использования синтеза феноменологического, нарратологического и образно-мотивного анализа.

2. Выявить истоки и основные структурно-семантические составляющие мифа детства в литературе романтизма, обосновать его парадигматическую функцию в становлении и развитии художественной антропологии детства в литературе XIX в.

3. Обозначить вклад литературы романтизма в художественную антропологию детства, для чего на примере поэзии английских и русских романтиков охарактеризовать своеобразие феноменологии детства и выявить факторы, определяющие специфику воплощения европейского инварианта мифа детства в национальных литературах.

4. Определить вклад литературы реализма в осмысление художественной антропологии детства, для чего охарактеризовать структуру феномена детства, образно-мотивную систему; на основе нарратологического анализа произведений Диккенса и Достоевского установить функции приема «мир глазами ребенка» в исследовании антропологии детства и осмыслении специфики детского восприятия и понимания мира.

5. На примере произведений Диккенса и Достоевского показать роль биографического и читательского опыта, культурно-исторического контекста в становлении индивидуально-творческих вариантов художественной антропологии детства в литературе реализма, на этой основе определить национальную специфику художественной антропологии детства в их произведениях.

Материалом исследования являются поэтические произведения английских и русских романтиков; романы Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста», «Домби и сын», «Лавка древностей», «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим», «Холодный дом», «Большие надежды», малая проза писателя в «Домашнем чтении» за 1853 год («Рождественская елка»), цикл рассказов «Очерки Боза» и «Рождественские повести»; произведения Ф. М. Достоевского, в том числе рассказ «Маленький герой», романы «Неточка Незванова», «Идиот», «Подросток», «Братья Карамазовы» и малая проза в «Дневнике писателя» за 1876 год (рассказ «Мужик Марей»).

Объект исследования – художественная антропология детства в литературе XIX в.

Предмет исследования – методология изучения художественной антропологии детства в произведении, интерпретационный потенциал синтеза феноменологического, образно-мотивного и нарратологического подходов к анализу произведения в антропологическом аспекте.

Выбор объекта и предмета исследования обусловлен актуальностью для современного литературоведения определения методологии изучения произведения как явления художественной антропологии.

Научная новизна. Диссертация является первым исследованием художественной антропологии детства, осуществленным на основе синтеза феноменологического, образно-мотивного и нарратологического анализа. Впервые обосновывается интерпретационный потенциал синтеза этих подходов как один из возможных вариантов исследования художественной антропологии. Впервые на примере приема «мир глазами ребенка» выявляется специфика художественной антропологии детства в литературном произведении. Впервые обосновывается парадигматическая функция мифа детства в становлении художественной антропологии детства в литературе XIX в.

Положения, выносимые на защиту

1. Антропологический поворот в гуманитарной науке обуславливает необходимость обновления литературоведческой методологии для исследования человека как духовного средоточия литературного произведения. Выявление специфики художественной антропологии писателя предполагает использование историко-литературного и национально-культурного сопоставительного контекста. Единство объекта изучения, в качестве которого в произведении выступает человек, обуславливает правомерность и продуктивность синтеза феноменологического, образно-мотивного и нарратологического анализа при изучении художественной антропологии писателя.

2. Становление и развитие художественной антропологии детства в литературе XIX в. происходило в процессе взаимодействия мифа детства, который выполнял парадигматическую функцию культурного кода, определяя восприятие и основные аспекты изображения детства и ребенка, и эмпирического опыта писателей. Основные структурно-семантические и образно-мотивные составляющие мифа детства: идилличность и бесконфликтность детства; чистота и невинность ребенка, естественность его поведения; идеальные образы отца, матери и дома; культ естественной природы в противопоставлении городской цивилизации; мотив утраты и

недостижимости идеального состояния детства – восходят к архетипическому для мировой культуры мифу о Золотом веке.

3. Художественная антропология детства в поэзии романтизма носит обобщенный характер, в то же время под влиянием разных исторических, культурных, конфессиональных и ментальных факторов в национальных литературах акцентировались разные составляющие мифа детства. В рамках романтического двоемирия миф детства выполняет функции утопического моделирования идеальной действительности, проблематизации настоящего, психологической компенсации неудовлетворенности настоящим.

4. В литературе реализма художественная антропология детства обогащается за счет феноменологического исследования основных структурно-семантических составляющих мифа детства. Происходит развитие мотивно-образной структуры феномена детства, исследование онтогенеза ребенка дополняется исследованием социогенеза. Писатели-реалисты используют новые нарративные решения для выявления особенностей психической жизни, духовной и поведенческой деятельности ребенка.

5. Художественная антропология детства в литературе реализма характеризуется разнообразием индивидуально-творческих подходов к осмыслению детства и ребенка. Разный биографический и читательский опыт, культурный и исторический контекст определяет демифологизацию детства в произведениях Диккенса и Достоевского и в то же время утверждение содержательной ценности таких составляющих культурного мифа, как целостность, идилличность и бесконфликтность детства, чистота и невинность ребенка, идеальные образы отца, матери, семьи и дома.

Личный вклад соискателя ученой степени. Диссертационная работа выполнена самостоятельно. Результаты исследования, представленные в диссертации и публикациях, являются личным вкладом соискателя. Все опубликованные работы выполнены самостоятельно, за исключением статьи, написанной в соавторстве с И. В. Сорокиной.

Апробация диссертации и информация об использовании ее результатов. Результаты исследования были апробированы на 16 научных конференциях: XXVI Международных Старорусских чтениях «Достоевский и современность» (Старая Русса, 21–24 мая 2011 г.); IV Международной научно-практической конференции «Современная филология: теория и практика» (Москва, 29–30 июня 2011 г.); Международной научной конференции «Ф. М. Достоевский в современном поликультурном пространстве» (Брест–Иваново, 6–7 октября 2011 г.); XXXVI Международных чтениях «Достоевский и мировая культура» (Санкт-Петербург, 10–13 ноября 2011 г.); Международной научной конференции «Духовные начала русского искусства и просвещения» (Великий Новгород, 10–13 мая 2012, 2013, 2014, 2015 гг.);

Международной научно-практической конференции «Историко-культурный и экономический потенциал России: наследие и современность» (Великий Новгород, 14–15 мая 2012 г.); XI Международном научном симпозиуме «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст» (Саки, 13–17 сентября 2012 г.); Международной научно-практической конференции «Русская литература и методика ее преподавания в современном поликультурном пространстве: автор-жанр-стиль» (Брест, 4–5 октября 2012 г.); XXXVII Международных чтениях «Достоевский и мировая культура» (Санкт-Петербург, 10–13 ноября 2012 г.); «Rosyjskie dzieciństwo. Русское детство. The Russian Childhood» (Краков, 25–26 октября 2013 г.); XV Международной конференции «Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики» (Гродно, 18–23 сентября 2014 г.); Международном форуме преподавателей русского языка и литературы славянских стран и государств СНГ «Брестская крепость: на перекрестке эпох и дорог», посвященный 70-летию освобождения Бреста и Беларуси от немецко-фашистских захватчиков (Брест, 7–10 октября 2014 г.); V Международном конгрессе «Русская словесность в мировом культурном контексте» (Москва, 18–22 декабря 2014 г.).

Опубликованность результатов диссертации. Основные положения и результаты диссертационного исследования нашли отражение в 24 публикациях: 7 – статьи в изданиях, соответствующих п. 18 Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь (2,28 авт. л.); 8 – статьи в сборниках научных работ (3, 34 авт. л.), 9 – в материалах научных конференций (3,22 авт. л.). Общий объем опубликованных материалов составляет 8,84 авт. л.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, общей характеристики работы, четырех глав, заключения, библиографического списка, включающего 300 позиций, из них 24 – публикации соискателя. Полный объем диссертации составляет 167 страниц, основной текст – 144 страницы, библиографический список – 23 страницы.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, объекта, предмета и материала исследования, раскрывается его актуальность, формулируется гипотеза, дается краткий аналитический обзор научной литературы. Констатируется, что исследование художественной антропологии должно быть направлено не только на реконструкцию целостного образа человека в понимании писателя, но и на осмысление используемых им приемов поэтики. Определяется теоретико-методологическая база исследования, которую

составили работы по теории мифа (К. Леви-Стросс, К. Юнг, А. Ф. Лосев, Е. М. Мелетинский, А. Ф. Косарев), культурной мифологии (Р. Барт, Б. А. Успенский, Т. Е. Абрамзон), художественной антропологии (Н. А. Бердяев, М. М. Бахтин, С. С. Аверинцев, О. А. Бердникова, В. Изер, В. А. Подорога, А. Н. Андреев, Т. Е. Автухович, В. В. Савельева, С. А. Смирнов и др.), феноменологии (Э. Гуссерль, С. С. Хоружий, Л. Эмбри), феноменологии детства (Н. А. Дворяшина, Е. И. Дворникова, Т. М. Лобова, Н. В. Тишунина), детской психологии (В. В. Зеньковский, Э. Эрикссон, Д. Сёлли, Л. С. Выготский), образно-мотивному и нарратологическому анализу текста (Ж. Женетт, Б. М. Гаспаров, В. Шмид и др.), теории и истории романтизма (Н. Я. Берковский, Ю. В. Манн, Ф. П. Федоров и др.), творчеству Ч. Диккенса (Т. А. Боборыкина, В. В. Ивашева, Т. И. Сильман и др.), Ф. М. Достоевского (К. В. Мочульский, М. М. Бахтин, Т. А. Касаткина, Ю. Ф. Карякин, О. А. Богданова, К. А. Баршт, В. Н. Сузи, А. А. Станюта, Д. Л. Башкиров и др.).

В первой главе **«Художественная антропология как объект исследования»** характеризуется современное понимание художественной антропологии писателя, определяются принципы ее изучения.

В разделе 1.1 **«Художественная антропология: обоснование методологии анализа»** характеризуются предмет художественной антропологии, общие принципы исследования и обосновывается методология анализа.

Антропологический подход в литературоведении может быть реализован в двух направлениях: антропологии литературы и литературной антропологии. Антропология литературы рассматривает человека как субъекта литературного творчества, поэтому предметом анализа является автор, его мировидение. Значимым оказывается рассмотрение художественной антропологии писателя в контексте поиска им новых художественных форм, которые неизбежно связаны с процессом познания человека.

Литературная, или художественная, антропология рассматривает литературное произведение как материал для изучения человека через его осмысление в тексте. Исследование художественной антропологии писателя должно основываться на общеметодологических принципах антропологии и предполагает: изучение литературы в контексте других гуманитарных наук, в сопоставлении с иной национальной культурой и предшествующей литературной традицией; характеристику результатов взаимодействия в сознании писателя общепринятых культурных кодов и собственного эмпирического опыта; анализ феноменов психической деятельности автора и героя, свидетельствующих о специфике мировидения, обусловленной возрастными, национальными, культурными, конфессиональными факторами,

и явленных в языке произведения и речи персонажа; определение ценностных установок автора и героя.

Поскольку авторский ценностный кругозор является одним из главных факторов целостности художественного мира произведения, постольку выявление особенностей художественной антропологии сопряжено с личностью автора, его системой ценностей. Это означает, что антропология литературы и художественная антропология, пересекаясь в точке взаимодействия автора и героя, связаны друг с другом. Изучение художественной антропологии не только не исключает, но и предполагает исследование авторской активности как объекта внимания антропологии литературы.

Общие принципы исследования определяют конкретную методологию. Наиболее адекватный подход к исследованию произведения в аспекте художественной антропологии, по мнению диссертанта, возможен на основе синтеза феноменологического, образно-мотивного и нарратологического анализа, которые в своей совокупности помогают, с одной стороны, выявить специфику восприятия мира героем, с другой стороны – определить особенности художественного сознания, механизмы моделирования художественного мира в произведении и через это своеобразие авторского понимания человека.

Результаты образно-мотивного анализа, разработанного Б. М. Гаспаровым в рецептивном аспекте, могут быть интерпретированы – с точки зрения психологии – в проекции на автора и/или героя как отражение ключевых феноменов их сознания: в образах и мотивах художественного произведения воплощаются результаты психической деятельности человека, феномены сознания, таким образом, обретают материальное – языковое воплощение.

Личный опыт автора, его индивидуальное восприятие мира воплощается в поэтике, текст предстает как результат авторского интенционального переживания предмета. Автор осмысливает феномен и воспроизводит его образ в слове. Объектом изучения литературоведа становится феномен как уникальный опыт авторского восприятия и постижения мира, как результат интенционального акта – конституирования объекта сознанием. Результаты феноменологического анализа могут быть спроецированы не только на автора, но и на героя произведения, позволяя выявить интенциональность его видения мира, мотивы поведения и ценностные установки.

Феноменологический анализ верифицируется образно-мотивным анализом. В свою очередь, функционирующие в тексте образы и мотивы оформляют нарратив, посредством которого читатель узнает особенности развития событий и их восприятия автором и/или героем. Так возникает необходимость нарратологического анализа, суть которого состоит в

исследовании повествовательных особенностей текста. Разделяя нарративную цепь события на эпизоды, исследователь выявляет ценностный кругозор, сформированный повествователем во время нарративного акта.

Художественная антропология писателя сосредоточена на феноменах повседневной жизни, которые воспринимаются как отражение общественно-исторических контекстов, прежде всего, принятой в обществе системы ценностей. Феноменологический анализ выявляет взаимодействие эмпирических структур и смысловых кодов – как общепринятых, так и личностных, усвоенных в процессе чтения, наблюдения над жизнью и благодаря воспитанию в рамках определенной культуры. Это означает, что описание автором собственных наблюдений не может быть в полной мере непредвзятым, оно всегда представляет собой интерпретацию, осуществляемую в рамках традиций восприятия, сформированных культурным контекстом.

Соответственно исследование художественной антропологии писателя предполагает следующий алгоритм: сначала определяется структура феномена, характеризуется его сущность (бытийная явленность), выявляются причинная обусловленность культурными, биографическими контекстами. Затем исследуется его образно-мотивное представление, которое воплощается в нарративе с учетом структурно-семантических компонентов феномена, определяется специфика повествования. Интерпретация результатов исследования предполагает выявление путей взаимодействия в авторском сознании культурных кодов и эмпирических наблюдений над реальностью, в случае повествования от лица героя – над реальностью его психической деятельности.

В разделе 1.2 **«Повествование от лица героя как остранение феноменологического опыта и фактор художественной антропологии»** выявляется антропологический потенциал приема «мир глазами героя» – повествовательной формы, при помощи которой автор формирует восприятие художественного мира произведения читателем, фиксируя индивидуально-личностные особенности героя и раскрывая специфику его видения мира и внутренних переживаний. Прием «мир глазами героя» открывает путь к познанию субъективного опыта героя и выполняет функцию феноменологического остранения (объективации) авторского опыта и непредвзятого исследования внешнего мира. Длительная история использования приема в литературе свидетельствует о постепенном расширении его возможностей и ценности как фактора художественной антропологии: если в античной литературе с его помощью показывается состояние внешнего мира, то открытие и дальнейшее развитие психологизма в литературе Средневековья, эпохи Просвещения, а затем романтизма и

реализма придает повествованию от лица героя функцию исследования психологии героя и остранения внешнего мира, во взаимодействии с которым реализуется потенциал личности. Наиболее известные и знаковые для истории литературы примеры использования приема связаны с переходными эпохами, когда происходит смена культурных парадигм и возникает необходимость изменить восприятие действительности, увидеть мир и человека другими – естественными и непредвзятыми глазами. В выборе формы повествования от лица героя, таким образом, проявляется специфика авторской художественной антропологии.

Результаты осуществленной в первой главе теоретической рефлексии над принципами и методологией анализа художественной антропологии писателя проверяются на примере исследования художественной антропологии детства в следующих главах диссертации.

В главе II **«Художественная антропология детства в поэзии романтизма»** выявляется специфика осмысления детства в поэзии романтизма на уровне феноменологического и образно-мотивного анализа текстов.

В разделе 2.1 **«Миф детства как культурный код: истоки, функции, структурно-семантические составляющие»** эксплицируется теоретическая модель мифа детства как культурного кода, определяющего восприятие детства и ребенка в литературе XIX в.

В мифе детства актуализируются основные структурно-семантические составляющие мифа о Золотом веке: идеальные образы отца, матери, семьи и дома, которые выступают как замещение мифологических предков, а в христианстве – Святого семейства и Дома; идилличность и бесконфликтность детства как коррелят первозданного райского блаженства; чистота и невинность ребенка, детскость как аналог состояния первобытного человека до «грехопадения»; культ естественной природы в противопоставлении городской цивилизации как вариант замещения образа рая; мотив утраты и недостижимости идеального состояния детства как коррелят мифологемы «потерянного рая». Миф детства выполняет парадигматическую функцию, определяя мотивно-образную структуру феномена детства в поэзии романтизма.

В разделе 2.2 **«Феноменология детства в поэзии английских и русских романтиков»** показывается, что, воспроизводя типологические в рамках европейского романтизма структурно-семантические составляющие мифа детства, английские и русские романтики по-разному осмыслили и реализовали их на феноменологическом и образно-мотивном уровне, что объясняется разными историческими условиями, разной ментальностью народа, культурными и конфессиональными традициями. Для английского

варианта мифа детства, разработанного в стихах У. Блейка, У. Вордсворта, С. Т. Кольриджа, Т. Мура, позднее – Дж. Байрона, характерно доминирование такого структурно-семантического компонента, как культ естественной природы, что проявляется в актуализации пасторально-буколических образов и образов Христа и Богородицы как покровителей безмятежного мира детства, а также мотивов гармонии и красоты мира, восприятия мира как чуда, родственной связи ребенка с природой, покоя, беззаботности, счастья и защищенности детства.

Аксиологическим центром русского поэтического варианта мифа детства становятся ребенок как воплощение счастья, семья и дом как необходимое его условие, поэтому специфика художественной антропологии детства в произведениях русских поэтов-романтиков заключается в его религиозном осмыслении: кротость, чистота, доброта ребенка в христианском понимании ближе всего к идеалу святости и состоянию блаженства. В то же время русские поэты подчеркивают иллюзорность идиллии детства, сопрягая ее с картиной жестокой действительности, что привносит драматизм в миф детства; детство в произведениях М. Ю. Лермонтова предстает как утраченный рай и как утопическая модель желаемой, но недостижимой действительности. Слабее выражена и парадигматика мифа о Золотом веке, не случайно А. А. Дельвиг пишет в 1828 г. стихотворение «Конец золотого века», в котором утверждает невозможность счастливого и безмятежного состояния. Для русского варианта мифа детства не характерна идеализация естественной природы в противопоставлении городскому ландшафту, что объясняется недостаточной степенью развития урбанизации, – культ естественной природы приобретает в России аксиологический подтекст и включается в состав иной оппозиции, где природа противостоит лжи и фальши светской жизни, а единение человека и природы выступает не столько как натурфилософский, сколько как метафизический идеал целостности бытия. В локализации идиллии детства преобладают временные характеристики прошлого и будущего (в отличие от английского варианта, который, как правило, ориентирован на настоящее время), в чем сказывается склонность русского человека к утопическому миромоделированию и бунтарской неудовлетворенности сегодняшним днем. Поэзия русского романтизма свидетельствует о проблематизации мифа детства в сознании русских поэтов.

Делается вывод, что художественная антропология детства в поэзии романтизма носит обобщенный характер, определяя феноменологию детства в ее универсальной проекции. Образно-мотивная система произведений определяется не эмпирическим опытом автора, а культурным кодом, в качестве которого выступает миф детства, и корректируется установками национальной ментальности.

В главе III «**Феноменология детства в литературе реализма**» рассматривается феноменология детства в литературе реализма на примере произведений Диккенса и Достоевского, художественная антропология которых формировалась под влиянием новой эстетики, а также разных биографических ситуаций, в разных историко-культурных и конфессиональных контекстах. В главе анализируются те произведения, в которых повествование ведется от лица безличного повествователя, что позволяет выявить структуру феномена детства в сознании автора.

В разделе 3.1 «**Демифологизация детства в творчестве Диккенса: обогащение мотивно-образной структуры феномена детства**» показывается, что восприятие детства и ребенка в произведениях английского писателя определяется основными структурно-семантическими составляющими мифа детства, созданного в эпоху романтизма, а также мифом о Золотом веке. Так, в «Очерках Боза» писатель мифологизирует историю английской столицы, актуализируя такой компонент мифа детства, как любовь к прошлому; в «Посмертных записках Пиквикского клуба» прошлое как идеальное время предстает в описании «доброй старой Англии», воспоминание о которой овеяно ностальгической грустью.

В ранних произведениях определяется такое аксиологически значимое качество героя, как детскость – проявление целостного онтологического взгляда на человека и мир, позволяющего героям сохранить радость, веселье, счастье даже в условиях нищеты и бедности, противостоять испытаниям жизни. В «Рождественских повестях» Диккенс актуализирует пасторальную традицию, которая характерна для романтического мифа детства в интерпретации У. Блейка, а также мотивы семьи и чуда.

Опираясь на парадигму мифа детства и в то же время исходя из своего феноменологического опыта, Диккенс усложняет мотивно-образную структуру феномена детства. В большинстве произведений писателя семейная идиллия предстает как своего рода «минус-прием» (термин Ю. М. Лотмана), отсутствие которой подчеркивает разрушение семейных ценностей в обществе. Так, в структуре феномена детства появляются мотивы брошенности и оставленности детей, детского страдания, сиротства, вынужденного раннего взросления. В разработке характеров маленьких героев Диккенс исходит из христианской системы ценностей, подчеркивая их чистоту, доброту, способность к самопожертвованию. Писатель переосмысливает в русле христианской антропологии мотив ангельской чистоты и невинности ребенка, характерный для романтического мифа детства, и в то же время проецирует на героев значимые для англичан такие черты характера, как самообладание, умение противостоять трудностям, брать на себя ответственность и самостоятельно принимать решения

(«Лавка древностей», «Крошка Доррит», «Жизнь и приключения Николаса Никльби» и др.).

Влияние мифа детства проявляется в произведениях Диккенса и в том, что авторскую парадигму осмысления действительности определяют оппозиции детское/взрослое, сельское/городское, природное/цивилизационное. Утрата детской беззаботности и восприятия мира как чуда, по Диккенсу, есть в равной степени результат взросления человека и стремительного развития цивилизации. О разрушении мифа детства свидетельствует появление новых мотивов – денег, успеха и капитала, что приводит к демифологизации детства как воплощения рая и беззаботной идиллии («Домби и сын»).

Делается вывод, что, опираясь на эмпирический опыт, Диккенс выявляет антиномичность идеальной нормы, артикулированной в мифе детства, и реальной действительности.

В разделе 3.2 **«Ремифологизация детства в произведениях Достоевского»** показывается, что структура феномена детства в произведениях писателя определяется спецификой «реализма в высшем смысле». В отличие от Диккенса, чья феноменология несет следы влияния мифа детства даже тогда, когда направлена на его разрушение, Достоевский производит ремифологизацию детства, но в рамках, с одной стороны, своей ценностной антропологии, в основе которой лежит христианский взгляд на ребенка, с другой стороны, в контексте «почвеннической» идеи, с которой в его творческом сознании сопряжен идеал детскости.

Романтическое противопоставление мира идеального и реального преломляется в творчестве Достоевского в рамках его представления о Золотом веке. Достоевский утверждает, что для обретения рая важно не только изменять себя, но и служить ближнему. Поэтому мотив любви становится центральным звеном переосмысленного мифа детства в художественной антропологии писателя. У Достоевского любовь, основанная на жертвенном служении ближнему, в конечном счете должна привести человечество не просто к перерождению, а к братскому единению. В контексте данной системы ценностей трагические судьбы детей становятся у Достоевского обвинением обществу, деформирующему прежде всего невинные детские души.

Как и у Диккенса, важными составляющими феномена детства в творчестве Достоевского являются мотивы раннего взросления и детского страдания. Раннее взросление, как правило, обусловлено смертью родителей («Идиот») или распадом семьи («Униженные и оскорбленные»), страдание – физическим или духовным насилием, а также сословным неравенством («Елка и свадьба»). В отличие от Диккенса, Достоевский показывает, что страдания и унижения не возвышают, а разрушают душу ребенка («Униженные и

оскорбленные»). В таком осмыслении мотива проявляется характерное для писателя понимание русского человека – своевольного, находящегося на пределе душевных сил и на пороге преступления.

Как и Диккенс, Достоевский считает город местом, оказывающим деструктивное воздействие на человека, топосом разрушения мифа детства, напротив, природа осмыслена как антропологический идеал, центральное место в котором занимает образ ребенка. Детство как утраченный рай в художественной антропологии Достоевского переосмысливается как утопическое будущее человечества, основанное на идеях христианства.

Центральным понятием в структуре феномена детства у Достоевского является детскость. Как и у Диккенса, детскость может быть присуща не только ребенку, но и взрослому, которому, несмотря на влияние семьи и окружающей среды, удалось сохранить открытость и душевную чистоту. Вместе с тем Достоевский, соотнося детскость с юродством и безумием, переосмысливает ее, показывая несоответствие аскетического идеала реальной жизни («Идиот»). Ригористичность христианского идеала детскости преодолевается в образе Алеши Карамазова, в котором акцентируется умение прощать и понимание взаимной ответственности людей за грехи друг друга. Детскость как целостное восприятие мира оказывается онтологическим основанием мира и семьи как его значимой части. Выстраивая концепцию семьи, Достоевский видит образец отношений между родителями и детьми в феномене старчества – духовного попечительства старших над младшими.

Таким образом, исследование структуры феномена детства в творчестве Достоевского свидетельствует о том, что разрушение мифа детства в творчестве писателя сочетается с ремифологизацией детства.

В главе IV **«Антропологический потенциал приема “мир глазами ребенка” в произведениях писателей-реалистов»** рассматривается вклад литературы реализма в осмысление специфики детского мировосприятия как одного из аспектов художественной антропологии. Писатели-реалисты чаще использовали мемуарную форму повествования, однако субъект мемуарного повествования, восстанавливая в памяти события, актуализирует и собственные эмоции, пережитые в прошлом. Поэтому такой тип повествования в литературе реализма обладает антропологическим потенциалом, давая писателю возможность объективировать свой психологический опыт и выявить специфику детского поведения и восприятия мира.

В разделе 4.1 **«Функции художественного приема “мир глазами ребенка” в творчестве Диккенса»** показывается, что писатель экспериментировал с данной формой нарратива, постоянно расширяя ее возможности как приема художественной антропологии. У Диккенса

повествование от лица героя, с одной стороны, выявляет характерное для детского сознания мифологизированное восприятие мира, с другой стороны, способствует демифологизации детства как феномена в том его понимании, которое было артикулировано в литературе романтизма. Так, в романе «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим» воспроизводятся основные структурно-семантические компоненты мифа детства – идилличность, детскость как корреляты представления о «потерянном рае», а также идеализация взрослых, однако в тексте они предстают как особенность детского восприятия мира. Диккенс дает представление о таких свойствах детского сознания, как антропоморфизм, мифологизация мира, наивность, восторженность и непосредственность. «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим» – единственный роман Диккенса, для которого характерно наличие фиксированного расхождения точки зрения героя и нарратора. Такой способ повествования и фокализации использовался уже в прозе XVIII в., Диккенс трансформировал его, выведя на первый план точку зрения героя, которую оттеняет точка зрения нарратора.

Уже в рассказе «Рождественская елка» воспоминание повествователя о детстве как сказочном, но ярком и подлинном мире противопоставляется прозаическому миру взрослых; детство осмысливается как аксиологически значимый этап жизни – как образ рая и Золотого века в сознании нарратора.

В романе «Холодный дом» Диккенс прибегает к новому нарративному решению. Изменяя субъектно-объектную организацию текста, он передает повествование героине, сочетая субъективную оценку героя-нарратора с объективным словом безличного повествователя. Смена фокализации и создание двух аспектов одной и той же действительности в текстовом дискурсе свидетельствует о попытке Диккенса добиться объективации психологического опыта ребенка.

В романе «Большие надежды» образно-мотивный и интенциональный анализ выявляет наличие таких структурно-семантических компонентов мифа детства, как детскость, чистота и невинность ребенка; образы идеального взрослого, родителя, семьи и дома; культ сельской природы в противопоставлении городской цивилизации, которые характеризуют сознание героя. Этой идиллии противостоит тоже идиллическая по своей сути утопия «больших надежд» – культурный миф новой, уже капиталистической эпохи, в котором основными слагаемыми выступают мотивы денег, успеха и капитала. Наличие двух мифов придает роману характер метатекста: Диккенс осмысливает смену культурных эпох как смену двух мифов, определяющих сознание современников. Повествование от лица ребенка, с одной стороны, выполняет функцию остранения буржуазного общества с точки зрения естественного сознания героя как носителя базовых ценностей, воплощенных

в мифе детства, с другой стороны, является способом объективации взросления героя, опыт которого осмысливается как проверка истинных ценностей в их столкновении с действительностью. В повествовании от лица героя проявляются такие черты национальной ментальности, как жизнестойкость, верность традиционным ценностям, среди которых главными являются дом и семья.

В разделе 4.2 **«Духовно-нравственный мир ребенка в произведениях Достоевского»** выявляется эволюция принципов исследования детской психологии в творчестве писателя. Хотя осмысление детства и ребенка не было самоцелью Достоевского, являясь частью более широкого спектра общественно-политических, нравственных и мировоззренческих проблем, его феноменологически точное исследование мотивов поведения ребенка, логики его духовной жизни предвосхищало многие научные открытия в области психологии детства.

В раннем романе «Неточка Незванова», используя повествование от лица героини, Достоевский исследует специфику детского сознания и поведения в кризисных ситуациях, закономерности взросления, которые включают гендерную самоидентификацию героини. Взгляд наивного ребенка остраивает мир взрослых, в котором нет естественности, внешнее не совпадает с внутренним. В рассказе «Маленький герой» акцентируется ситуация взаимного непонимания ребенка и взрослых. Сложность душевных переживаний Маленького героя скрыта для окружающих и потому его поведение неправильно интерпретируется ими. В свою очередь, герой рассказа воспринимает и описывает события через призму прочитанных книг и детского эгоцентризма. Повествование о прошлом оказывается близким к настоящему, воспоминания ребенка становятся частью сознания взрослого. В рассказе «Мужик Марей» используется прием прямой ретроспекции для передачи воспоминаний из детства. Достоевский воспроизводит фрагмент мифологизированного детского мира. Для девятилетнего мальчика пашущий мужик Марей – это не просто крестьянин, авторитетный взрослый, благородный добрый молодец из сказок, а человек, уберегший от душевной травмы и тем самым защитивший его детский мир от разрушения. В романе «Подросток» Достоевский обращается к художественному исследованию детства в связи с темой «случайного семейства», подчеркивая ответственность общества, семьи, родителей за появление таких социально опасных явлений, разрушающих психику ребенка, как «подпольный комплекс» и идея ротшильдства. Гипертрофированный самоанализ при отсутствии положительного примера в семье, а также духовного контакта со взрослыми, приводит героя к подростковому бунту.

Делается вывод, что основные структурно-семантические составляющие мифа детства, такие как семья, родители, чистота и естественность ребенка, осмыслены Диккенсом как базовые ценности человеческой жизни, а Достоевским – как основа существования общества. Поиск новых нарративных решений, осуществленный писателями-реалистами, прокладывает путь к становлению собственно детского нарратива в литературе XX в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

1. Антропологический поворот в гуманитарной науке, а также кризис литературоведения на рубеже XX-XXI вв. обуславливают необходимость обновления литературоведческой методологии. Исследование художественной антропологии писателя должно основываться на таких общеметодологических принципах, как изучение литературы в контексте других гуманитарных наук (принцип междисциплинарности); сопоставление с иной национальной культурой и предшествующей литературной традицией (принцип дистанцирования); осуществляться через выявление динамики форм художественного сознания и поэтики, а также соотношения устойчивого и изменчивого в представлении о человеке, взаимодействия в сознании писателя общепринятых культурных кодов и собственного эмпирического опыта (принцип историзма); анализ феноменов психической деятельности автора и героя, свидетельствующих о специфике мировидения, обусловленной возрастными, национальными, культурными, профессиональными факторами; выявление ценностных ориентаций; рассмотрение поведенческих особенностей персонажа в коммуникативном взаимодействии с другими людьми посредством анализа его речи. Синтез нарратологического, феноменологического и образно-мотивного анализа открывает путь к системному исследованию художественной антропологии писателя в произведении. Образно-мотивный анализ, интерпретируя повторяющиеся единицы текста как отражение проблемных зон в сознании автора и героя, выявляет специфику их видения мира автором и героем; феноменологический анализ позволяет определить ценностные установки автора и героя через выявление ментальных феноменов в тексте; нарратологический анализ, обнаруживая авторскую стратегию и телеологичность текста как целого, характеризует ценностный кругозор повествователя, явленный в фокализации и системе точек зрения. Примененные в синтезе, образно-мотивный, феноменологический и нарратологический способы анализа художественного текста дают

возможность реконструировать специфику сознания и психологии героя и повествователя, а значит, непосредственно выявить компоненты авторской антропологии в тексте [2; 4; 7; 17; 24].

2. Открытие детства как особого состояния человека способствовало становлению и развитию художественной антропологии детства в литературе XIX в. Основные аспекты изображения детства определяет созданный в литературе романтизма миф детства, который выполняет парадигматическую функцию, вступая во взаимодействие с эмпирическим опытом освоения изменяющейся действительности. В основе романтического мифа детства лежит архетипический для мировой культуры миф о Золотом веке, который актуализируется в культуре в переходные эпохи, оформляя реакцию на цивилизационные и мировоззренческие изменения и выполняя функцию культурного кода. Миф детства актуализирует основные структурно-семантические составляющие мифа о Золотом веке: идилличность и бесконфликтность детства; чистота и невинность ребенка; идеальные образы отца, матери и дома; культ естественной природы в противопоставлении городской цивилизации; мотив утраты и недостижимости идеального состояния детства [1; 3; 5; 6].

3. Художественная антропология детства в творчестве поэтов-романтиков носит обобщенный характер, обуславливая феноменологию детства в ее универсальной антропологической проекции. Образно-мотивная система произведений не определяется эмпирическим опытом автора, а задается моделирующей функцией мифа детства как культурного кода и корректируется установками национальной ментальности. Миф детства представляет собой культурный миф, который в рамках романтического двоемирия выполняет функцию утопического моделирования идеальной действительности, познания и проблематизации современности, психологической компенсации состояния неудовлетворенности настоящим. В мифе детства оформляется реакция на развитие капиталистических отношений, процесс урбанизации, разрушение традиционного уклада жизни, в том числе семейных связей, а также ощущение онтологического одиночества человека. В разных национальных литературах миф детства осмысливается в соответствии с культурной и ментальной спецификой. Так, для английского варианта мифа детства характерна разработка такого структурно-семантического компонента, как культ естественной природы, что выражается в актуализации пасторально-буколических мотивов, а также мотивов красоты, покоя, беззаботности, счастья, защищенности детства. Аксиологическим центром русского варианта мифа детства становятся семья, дом в их проекции на идею христианского блаженства. Русские поэты-романтики подчеркивают иллюзорность идиллии детства, сопрягая ее с

картиной жестокой действительности, что привносит драматизм и внутреннюю конфликтность в миф детства; детство предстает как утраченный рай и как утопическая модель желаемой, но недостижимой действительности [1; 3; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 12; 14; 15].

4. В литературе реализма художественная антропология детства обогащается за счет феноменологического исследования основных структурно-семантических составляющих мифа детства. Происходит развитие мотивно-образной структуры феномена детства, исследование онтогенеза ребенка дополняется исследованием социогенеза. Структура феномена детства в творчестве Диккенса и Достоевского включает такие мотивы, как чистота и невинность ребенка, детскость, идеальные образы отца, матери, семьи и дома, сельская природа в противопоставлении городскому пейзажу. Однако этот образно-мотивный комплекс, соответствующий основным составляющим романтического мифа детства, переосмысливается путем введения противоположных мотивов – жестокости и насилия взрослых, детского страдания, сиротства и раннего взросления, денег, «злых» детей. Совокупность этих мотивов разрушает представление о детстве как идиллическом и бесконфликтном периоде жизни. Специфика художественной антропологии детства в произведениях Диккенса и Достоевского заключается в сложном взаимодействии этих образно-мотивных комплексов: «память» о мифе детства и детскости как нравственно-психологической характеристике личности определяет представление писателей об идеале человека, в то время как актуализация противоположных мотивов служит способом острой критики капиталистического общества, разрушающего идеальное состояние детства. Писатели-реалисты открывают новые нарративные решения для выявления особенностей психической жизни, духовной и поведенческой деятельности ребенка. Диккенс и Достоевский используют прием «мир глазами ребенка» для исследования психологии детей, своеобразия их восприятия действительности в процессе взросления. Повествование от лица ребенка является способом остранения как психологического опыта (объективация и самоанализ), так и социальной действительности (выявление жестокости, неразумности мира взрослых). Прием «мир глазами ребенка» способствует разработке оригинальных нарративных решений, расширяющих потенциал художественной антропологии в творчестве писателей [1; 2; 3; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23].

5. Художественная антропология детства в литературе реализма характеризуется разнообразием индивидуально-творческих подходов к осмыслению детства и ребенка. Миф детства выполняет парадигматическую функцию в произведениях Диккенса и Достоевского, определяя основные

аспекты темы детства в их разработке. Это обусловлено сходным читательским опытом писателей, которые глубоко восприняли традиции литературы романтизма, а также психологической достоверностью и аксиологической значимостью выделенных романтиками на феноменальном уровне характеристик детства как особого периода в жизни человека. Специфика художественной антропологии детства в произведениях писателей обусловлена биографическими (жестокое методы семейного воспитания в школе у Диккенса, ранний опыт восприятия смерти и насилия у Достоевского), конфессиональными (различные концептуальные подходы к проблеме семьи и воспитания в англиканской церкви и православии), культурно-историческими (развитие капиталистических отношений в Англии и распространение идей социализма в России) факторами, которые определяют, с одной стороны, процесс демифологизации детства в произведениях Диккенса и Достоевского, с другой стороны, утверждение детства, семьи и дома в качестве базовых ценностей человеческой жизни в творчестве Диккенса и ремифологизацию детства в творчестве Достоевского, для которого детскость как характеристика идеальной личности выступает целью духовно-нравственного развития человечества [1; 2; 3; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 15; 19; 22].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Результаты исследования могут быть использованы при составлении учебных программ, разработке курсов «Теория литературы», «История зарубежной литературы», «История русской литературы», а также спецкурсов «Антропология литературы», «Методология литературоведения», при подготовке учебных пособий, а также в практике преподавания литературы в средней школе, в гимназиях и лицеях. Теоретические положения диссертации могут найти применение в дальнейших исследованиях, посвященных разработке проблем антропологии литературы и художественной антропологии. Наблюдения над темой детства, семьи и воспитания в творчестве Диккенса и Достоевского могут быть использованы при разработке семейной педагогики.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в рецензируемых периодических изданиях

1. Бабук, А. В. Миф детства и его разрушение в романе Ч. Диккенса «Большие надежды» / А.В. Бабук // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2012. – № 3. – С. 19–27.
2. Бабук, А. В. Концепция мира героев Ч. Диккенса в свете художественного приема «мир глазами ребенка» / А.В. Бабук // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2013. – № 1. – С. 25–34.
3. Бабук, А. «Миф детства» как олицетворение «золотого века» в творчестве Ф. М. Достоевского / А. Бабук // Вопр. лит. – 2014. – № 1. – С. 225–247.
4. Бабук, А. В. Антропологический поворот в литературоведении и методологические проблемы анализа художественного текста / А.В. Бабук // Филологос. – 2014. – № 22. – С. 11–16.
5. Бабук, А. В. Образ святости как олицетворение «золотого века» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / А.В. Бабук // Spotkania Humanistyczne. – 2014. – № 4. – С. 57–64.
6. Бабук, А. В. Структура феномена детства в творчестве Ч. Диккенса и Ф. М. Достоевского / А.В. Бабук // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2015. – № 3. – С. 50–60.
7. Бабук, А. В. Автобиографические мотивы в свете приема остранения (на материале творчества Ч. Диккенса и Ф. М. Достоевского) / А.В. Бабук // Вестн. Новгор. гос. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. – 2015. – № 1. – С. 24–27.

Статьи в сборниках научных работ

8. Бабук, А. В. Художественный прием «мир глазами ребенка» в романе Ч. Диккенса «Большие надежды» и Ф. М. Достоевского «Подросток» / А.В. Бабук // Вопросы русской литературы : межвуз. науч. сб. / Крым. центр гуманитар. исслед., Тавр. нац. ун-т. – Симферополь, 2012. – Вып. 22. – С. 190–207.
9. Бабук, А. В. Трансформация мифа детства в творчестве Ф.М. Достоевского: феноменологический аспект / А.В. Бабук // Урал. филол. вестн. Сер.: Драфт: молодая наука. – 2014. – № 5. – С. 35–43.
10. Бабук, А. В. Антропология и аксиология мифа детства в малой прозе Ф.М. Достоевского / А.В. Бабук // Антропологические сдвиги переломных эпох и их отражение в литературе : сб. науч. ст. : в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т ; редкол.: Т.Е. Автухович (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2014. – Ч. 1. – С. 347–352.

11. Babuk, A. Phenomenology of childhood in Ch. Dickens' novels / A. Babuk // Intellectual and moral values of the modern society : research art. / Research a. Publ. Center «Colloquium». – 2nd ed. – San Francisco, 2014. – P. 60–69.

12. Бабук, А. В. Антропологические рецепции мифа детства в романе Ч. Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим» и в рассказе «Маленький герой» Ф. М. Достоевского / А.В. Бабук // Евраз. союз ученых. – 2015. – № 4, ч. 8. – С. 34–37.

13. Бабук, А. Ребенок как рассказчик в произведениях Л. Толстого и Ф. Достоевского / А. Бабук // Rosyjskie dzieciństwo / Uniwers. Jagielloński ; pod red. K. Dudy, A. Dudka. – Kraków, 2015. – С. 253–264.

14. Бабук, А. В. Ценностная парадигма художественной антропологии детства в творчестве Ф. М. Достоевского / А.В. Бабук // Мир в слове. Слово в мире : сб. науч. ст. / Гродн. гос. ун-т ; отв. ред. Т. Е. Автухович. – Гродно, 2015. – С. 244–258.

15. Бабук, А. В. Мотив детского страдания в контексте англикано-протестантской этики Ч. Диккенса и христологии Ф. М. Достоевского / А.В. Бабук // Вестн. Новгор. гос. ун-та. – 2016. – № 3. – С. 31–34.

Материалы конференций

16. Бабук, А. В. Роль автобиографического фактора в романе Ч. Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим» / А.В. Бабук // Современная филология: теория и практика : материалы IV междунар. науч.-практ. конф., Москва, 29–30 июня 2011 г. / Ин-т стратег. исслед. ; под ред. А.Ф. Долматова. – М., 2011. – С. 15–18.

17. Бабук, А. В. Художественный прием «мир глазами ребенка» в раннем творчестве Достоевского / А.В. Бабук // Ф. М. Достоевский в современном поликультурном пространстве : сб. материалов междунар. науч. конф., Брест – Иваново, 6–7 окт. 2011 г. / Брест. гос. ун-т ; под общ. ред. Т. В. Сенькевич. – Брест, 2012. – С. 24–28.

18. Бабук, А. В. Концепция мира и героя в свете художественного приема «мир глазами ребенка» в романе Ч. Диккенса «Холодный дом» / А.В. Бабук, И.В. Сорокина // Мир Диккенса – Диккенс и мир: к 200-летию со дня рождения писателя : сб. науч. тр. [по материалам интернет-конф., 7–28 февр. 2012 г.] / Тамб. гос. ун-т, Науч.-метод. центр «Рус. дом Диккенса» ; науч. ред. Н. Л. Потанина. – Тамбов, 2012. – С. 92–97.

19. Бабук, А. В. Малая проза Ч. Диккенса и Ф. М. Достоевского в свете художественного приема «мир глазами ребенка» / А.В. Бабук // Духовные начала русского искусства и просвещения : материалы XII Междунар. науч. конф. «Духовные начала русского искусства и просвещения» (Никитские

чтения), Великий Новгород, 10–13 мая 2012 г. : посвящ. 1150-летию рос. государственности / Новгор. гос. ун-т ; сост. А. В. Моторин. – Вел. Новгород, 2012. – С. 162–170.

20. Бабук, А. В. «Дневник писателя» Достоевского в свете художественного приема «мир глазами ребенка / А.В. Бабук // Русская литература и методика ее преподавания в современном поликультурном пространстве: автор – жанр – стиль : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Брест, 4–5 окт. 2012 г. : в 2 ч. / Брест. гос. ун-т ; редкол.: Т.В. Сенькевич (гл. ред.), О. Б. Переход. – Брест, 2012. – Ч. 2. – С. 7–12.

21. Бабук, А. В. Мир глазами ребенка в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» / А.В. Бабук // Духовно-нравственный и эстетический потенциал русской литературной классики : сб. материалов междунар. науч. конф. в рамках «Дней литературной науки» (5-6 марта 2013 г.) / Моск. гос. обл. ун-т ; редкол.: И.А. Киселева [и др.]. – Москва, 2013. – С. 198–203.

22. Бабук, А. В. Аксиология детства в творчестве Ч. Диккенса и Ф.М. Достоевского / А.В. Бабук // Формування аксіологічного компонента у процесі підготовки майбутніх педагогів : матеріали міжвуз. наук.-практ. конф., Євпаторія, 27 верас. 2013 р. / Крым. гуманитар. ун-т. – Ялта, 2013. – С. 79–83.

23. Бабук, А. В. Феноменология детства в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» / А.В. Бабук // Брестская крепость: историко-культурный контекст : сб. материалов Междунар. форума преподавателей рус. яз. и лит. стран СНГ и Европы, Брест, 6–10 окт. 2014 г. / Брест. гос. ун-т ; Фонд «Рус. мир» ; под общ. ред. Т.В. Сенькевич. – Брест, 2015. – С. 49–53.

24. Бабук, А. В. Христианская антропология как метод исследования текстов художественной литературы / А.В. Бабук // V Международный конгресс «Русская словесность в мировом культурном контексте» : избр. докл. и тез. / Отд.-ние ист.-филол. наук Рос. акад. наук [и др.] ; под общ. ред. И.Л. Волгина. – Москва, 2015. – С. 767–771.

РЭЗІЮМЭ

Бабук Аляксандр Вадзімавіч

Мастацкая антрапалогія дзяцінства ў літаратуры XIX стагоддзя: метадалогія аналізу

Ключавыя словы: антрапалогія, дзяцінства, вобраз, матыў, каштоўнасць, фенаменалогія, нарталогія, міф.

Мэта даследавання – абгрунтаваць інтэрпрэтацыйны патэнцыял сінтэзу фенаменалагічнага, нарталагічнага і вобразна-матыўнага аналізу пры вывучэнні мастацкай антрапалогіі дзяцінства ў літаратурным творы.

Аб’ект даследавання – мастацкая антрапалогія дзяцінства ў літаратуры XIX ст.

Метадалогія даследавання ўключае культурна-гістарычны, параўнальна-гістарычны, біяграфічны метады, а таксама фенаменалагічны, вобразна-матыўны і нарталагічны аналіз ў аспекце мастацкай антрапалогіі.

Атрыманыя вынікі і іх навізна. У дысертацыі аргументавана правамернасць комплекснага выкарыстання фенаменалагічнага, вобразна-матыўнага і нарталагічнага аналізу пры даследаванні мастацкай антрапалогіі; абгрунтаваецца інтэрпрэтацыйны патэнцыял сінтэзу гэтых падыходаў як адзін з магчымых варыянтаў даследавання мастацкай антрапалогіі пісьменніка. Выяўлены функцыі прыёму “свет вачыма дзіцяці”, абрунтавана парадыгматычная функцыя міфу дзяцінства ў станаўленні мастацкай антрапалогіі дзяцінства ў літаратуры XIX ст., вызначаны ўклад рамантызму і рэалізму ў асэнсаванне дзяцінства і спецыфікі дзіцячага светаўспрымання.

Рэкамендацыі па выкарыстанню і галіна прымянення атрыманых вынікаў. Вынікі даследавання могуць быць выкарыстаны пры стварэнні вучэбных праграм, распрацоўцы курсаў “Тэорыя літаратуры”, “Гісторыя замежнай літаратуры”, “Гісторыя рускай літаратуры”, а таксама спецкурсаў “Антрапалогія літаратуры”. Назіранні над тэмай дзяцінства, сям’і і выхавання ў творчасці Дыкенса і Дастаеўскага могуць быць выкарыстаны пры распрацоўцы сямейнай педагогікі.

РЕЗЮМЕ

Бабук Александр Вадимович

Художественная антропология детства в литературе XIX века: методология анализа

Ключевые слова: художественная антропология, детство, образ, мотив, феноменология, нарратология, ценность, миф

Цель исследования – обосновать интерпретационный потенциал синтеза феноменологического, нарратологического и образно-мотивного анализа при изучении художественной антропологии детства в литературном произведении.

Объект исследования – художественная антропология детства в литературе XIX в.

Методология исследования включает культурно-исторический, сравнительно-исторический, биографический методы, а также феноменологический, образно-мотивный и нарратологический анализ в аспекте художественной антропологии.

Полученные результаты и их новизна. В диссертации аргументирована правомерность комплексного использования феноменологического, образно-мотивного и нарратологического анализа при исследовании художественной антропологии; обоснован интерпретационный потенциал синтеза этих подходов как один из возможных вариантов исследования художественной антропологии писателя. Выявлены функции приема «мир глазами ребенка», обоснована парадигматическая функция мифа детства в становлении художественной антропологии детства в литературе XIX в., обозначен вклад романтизма и реализма в осмысление детства и специфики детского мировосприятия.

Рекомендации по использованию и область применения полученных результатов. Результаты исследования могут быть использованы при составлении учебных программ, разработке курсов «Теория литературы», «История зарубежной литературы», «История русской литературы», а также спецкурсов «Антропология литературы». Наблюдения над темой детства, семьи и воспитания в творчестве Диккенса и Достоевского могут быть использованы при разработке семейной педагогики.

SUMMARY

Babuk Alexander

Literary anthropology of the childhood in the literary of the 19th century: methodology of analysis

Key words: literary anthropology, childhood, image, motive, value, phenomenology, narratology, myth

The purpose of the work is to explain a combined phenomenological, narratological, and image and motif interpretational potential of analysis when studying literary anthropology of childhood.

Object of research is the study of a literary anthropology of the childhood in the literature of the 19th century.

Research methods include cultural and historical, comparative and historical, biographical and also image and motive, phenomenological and narratological analyses in a literary anthropology aspect.

Scientific results and novelty. The thesis shows the legality of the use of a literary anthropology of the childhood, made on the basis of the synthesis of image and motive, phenomenological and narratological analyses; the interpretation potential synthesis of such methods is substantiated in the thesis as a possible research of writer's literary anthropology; the functions of a literary device "the world by children's eyes" are revealed in the thesis and paradigmatical functions of a myth of a childhood in the literature of the 19th century are also exposed in the thesis; the role of romanticism and realism in a childhood and childish worldview is also indicated in the thesis.

Recommendations on the application of the received results. The research results can be used in for educational programs making and can be contributed to the further development of courses on "Theory of literature", "The anthropology of the literature". The observations under such problems as the family, the childhood and upbringing in Dickens' and Dostoevsky's works can be used in a family pedagogics development.